

Э. А. Цеглеев

**ПРОВИНЦИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН
(на примере Вятской губернии)**

*Работа представлена кафедрой всеобщей истории
Вятского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор И. Ю. Трушкова

В статье на примере Вятской губернии рассматривается роль провинции в жизни Российской империи начала XIX в. Характеризуются формы ее участия в наполеоновских войнах.

Исследуются механизмы взаимодействия центра и провинций в экстремальных условиях военного времени.

Ключевые слова: провинция, Вятка, наполеоновские войны, армия, благотворительность.

The role of a province in the life of the Russian empire at the beginning of the 19th century is considered in the article by the example of the Vyatka province. Forms of its participation in Napoleonic wars are characterised. Mechanisms of interaction of the centre and provinces in extreme conditions of wartime are investigated.

Key words: province, Vyatka, Napoleonic wars, army, charity.

Одним из направлений осмысления истории России является обращение к анализу роли и места провинции в процессе ее социокультурного развития и реконструкции связей провинции с центром. Одним из периодов исторического развития, когда органично интегрировались и одновременно проявились провинциальное и общероссийское, была эпоха наполеоновских войн. Поэтому исследование закономерностей взаимодействия центра и провинции в этот период в различных его аспектах может быть использовано для анализа современных отношений центра и провинции. Исследование событий, явлений и процессов, происходящих в начале XIX в. в российской глубинке, в их сопоставлении с общероссийскими и мировыми историческими процессами поможет понять сущность и роль провинции как субъекта исторического развития¹. В качестве объекта подобного исследования можно взять такую глубинную губернию Российской империи, как Вятская губерния.

Следует сказать, что данная проблема практически не отражена в региональной историографии. Между тем в фондах государственного архива Кировской области (ГАКО), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) содержится обширный комплекс документов, анализ которых на современном уровне позволяет системно рассмотреть имеющийся исторический материал в ракурсе соотношения провинции и центра, регионального, общероссийского и мирового.

Системное исследование российской провинции в эпоху наполеоновских войн представляется плодотворным потому, что в этот период она ярко проявила не только свои основания, но и скрытые ресурсы. Вместе с тем в контексте изучения системы Российской империи и исследования такого ее компонента, как Вятская губерния, в эпоху наполеоновских войн параллельно с системным подходом целесообразно использовать одно из направлений антропологического подхода – военно-историческую антропологию². Объектом исследования военно-исторической антропологии являются человек и общество в экстремальных условиях вооруженных конфликтов, а также те аспекты жизни общества, которые характеризуют его подготовку к войне, «вхождение» в нее, ход военных действий и «выход из войны».

Объектом данного исследования является российская провинция (в частности, Вятская губерния) в эпоху наполеоновских войн. Его предметные рамки включают в себя: 1) характеристику Вятской губернии как специфического компонента системы Российской империи начала XIX в. и процесса ее «вхождения» в эпоху наполеоновских войн; 2) анализ роли Вятской губернии в Отечественной войне 1812 г. и Освободительной войне 1813–1814 гг.; 3) исследование процесса «выхода» Вятской губернии из войны. Целью исследования является изучение закономерностей, оснований и ресурсов взаимодействия центра и провинции (на примере Вятской губернии) в экстремальных условиях эпохи наполеоновских войн.

Вятская губерния в начале XIX в. занимала пространство в 13 815 793 десятины земли, из которых более 10 миллионов десятин были заняты лесом. Основу экономики Вятской губернии в XIX в. составляло сельское хозяйство. Энергично развивалась промышленность. На территории Вятской губернии находился Ижевский завод, который наряду с Тульским и Сестрорецким заводами был одним из трех основных центров производства в России стрелкового оружия. В 1810 г. он выпустил 2500 ружей, в 1811 г. – 10 000 ружей, в 1812 г. – 13 565 ружей.

Численность населения Вятской губернии в начале XIX в. возрастала в среднем на 1,24 % в год. В 1795 г. в губернии насчитывалось 365 651 душа мужского пола, в 1808 г. – 467 551, в 1811 г. – 504 698, в 1834 г. – 660 125. В губернии абсолютно преобладало сельское население. Городских жителей насчитывалось около 2%. А из общей массы крестьян 89% были государственными, около 9% – удельными и 2% – помещичьими³.

В отдаленных от центра губерниях система управления складывалась под влиянием региональной и местной специфики. Трудности управления Вятской губернией были связаны с обширностью ее территории, удаленностью от центра, малочисленностью дворянства и чиновничества. В 1808 г., согласно переписи населения, в Вятской губернии насчитывалось 311 служащих чиновников. Таким образом, перед относительно малочисленным чиновничим аппаратом Вятской губернии в эпоху наполеоновских войн стояла задача проведения крупных организационных мероприятий в соответствии с установками из центра и с учетом местных особенностей в специфических условиях отдаленной провинции.

Крупнейшим организационным мероприятием и событием общественной жизни Вятской губернии начала XIX в., в котором через призму региональных, общероссийских и мировых исторических процессов от-

разилось соотношение центра и провинции и произошло ее «вхождение» в эпоху наполеоновских войн, стало формирование во время русско-прусско-французской войны 1806–1807 гг. Вятского земского войска. В соответствии с манифестом Александра I от 30 ноября 1806 г., в котором говорилось о создании в помощь регулярной армии земского войска в количестве 612 000 человек, Вятская губерния должна была выставить 18 000 ратников. Поступивший из центра импульс через посредничество чиновничего аппарата и органов самоуправления мобилизовал ресурсы провинции. В январе 1807 г. в Вятской губернии началось создание земского войска, развернулось добровольческое движение, был сформирован и отправлен в действующую армию батальон вятских стрелков численностью 600 человек⁴. 27 сентября 1807 г. в связи с окончанием войны ополчение, основные силы которого не успели принять участие в войне, было распущено. Однако в свете грядущей Отечественной войны 1812 г. опыт формирования земского войска не прошел для России даром. Провинция показала один из ресурсов системы Российской империи, востребованный в экстремальных условиях эпохи наполеоновских войн.

Наиболее ярко и концентрированно основания и ресурсы системы Российской империи проявились на завершающем этапе эпохи наполеоновских войн – в 1812–1815 гг. Противостояние с наполеоновской Францией потребовало от России использования ресурсов разного характера. Одним из факторов, обеспечивших России победу в военном противостоянии, стало использование внутренних резервов, прежде всего, ресурсов провинции. В 1812–1813 гг. в России было проведено 4 рекрутских набора, по которым в рекруты принималось от 2 до 10 человек с 500 душ. В Вятской губернии за этот период в армию и на флот было взято около 25 000 рекрутов (от 1800 до 8500 за один набор). Анализ архивных документов показывает, что вятчане служили во всех ро-

дах войск, широко были представлены во всех гвардейских полках. Судя по формульярным спискам и рапортам, в которых отражены их заслуги, характерными признаками воинов-вятчан были дисциплинированность, храбрость, хладнокровие. Своевобразие Вятского края и его жителей отразилось на их военной службе и поведении в экстремальных боевых условиях.

В соответствии с манифестами Александра I от 6 и 18 июля 1812 г. в России вновь, как и в 1807 г., формировалось народное ополчение. Известие о вторжении наполеоновских войск в Россию и оглашение царских манифестов нашли горячий отклик в сердцах жителей Вятской губернии. Развернулось добровольческое движение. Чиновники с согласия губернатора поступали в ополчение на офицерские вакансии. Представители других сословий – рядовыми и урядниками. Всего добровольно вступили в Вятское народное ополчение около 200 человек⁵. Исследование архивных документов позволяет почувствовать неповторимую атмосферу, царившую тогда в Вятской губернии в связи с формированием ополчения, патриотический подъем, в которых рельефно проявлялись как общероссийские черты, так и особенности вятского менталитета. С 13 тысяч вятских крепостных в ополчение поступило около 630 человек⁶. Общая численность Вятского ополчения составила около 830 человек. Вятские ополченцы отличились в сражении под Дрезденом 25 октября 1813 г., когда, как сообщал в рапорте их командир Чичагов, они «неоднократно опрокидывали и прогоняли неприятеля»⁷.

Проанализировав формы непосредственного участия вятчан в военных событиях 1812–1814 гг. и держа в уме представительство других провинциальных губерний, можно сделать вывод о том, что именно людской ресурс провинции позволил России одержать победу в войне. Решающим фактором здесь стало сочетание орга-

низаторских способностей центра с мобилизационными возможностями провинции.

Одним из вопросов, в которых в специфической форме отразилось соотношение центра и провинции в 1812–1814 гг., стало размещение в российской глубинке военнопленных Великой армии. В Вятской губернии за этот период в разное время побывало не менее 5850 военнопленных, среди которых были представители 20 национальностей. Военнопленные трудились на Холуницких железноделательных заводах, на ряде винокуренных заводов⁸. До сих пор сохранились построенные с участием военнопленных гидросооружения Кирсинских прудов. Многие из них устроились гувернерами, музыкантами, танцмейстерами, художниками, лекарями. Среди содержащихся в Вятке пленных был известный французский генерал Вандам. Несмотря на запрет местным жителям вступать в контакт с военнопленными, многие из них были «приняты в беседованиях домашних», и по этому поводу главнокомандующий в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинов сообщал вятскому губернатору Ф. И. Фон Брадке: «...по самому тому уже, что они состоят под полицейским наблюдением... то и срамят того, кто с ними вступает в сношения, о чем вы поставите внушить публике»⁹. Пребывание военнопленных Великой армии в Вятской губернии в частности и в провинции вообще хоть и не оказало существенного влияния на ход исторических процессов, но оставил заметный след в местной истории. Провинция же выступила здесь в роли резервуара, где в соответствии с установками из центра и с учетом местной специфики временно были размещены около 150 тысяч военнопленных.

Отечественная война 1812 г. породила резкий подъем благотворительной деятельности. Общая сумма благотворительных пожертвований превысила 9 миллионов рублей. В Вятской губернии сбор пожертвований проводился «в пользу разоренных

от неприятеля», по линии Церкви, по линии женского патриотического общества и других учреждений. Судя по социальному и национальному составу жертвователей, среди которых были представители всех сословий и народов, проживающих в Вятской губернии, благотворительность в пользу пострадавших от войны была понастоящему всенародным делом. Анализ архивных документов позволяет оценить размер благотворительных пожертвований, совершенных жителями Вятской губернии в сумму не менее 100 тысяч рублей. Провинция продемонстрировала свой ресурс щедрости, отзывчивости и человеколюбия.

Таким образом, можно сказать, что отношения центра и провинции в 1812–1814 гг. в целом были грамотно построены. В них учитывались стремления и задачи центра, с одной стороны, и особенности и возможности провинции, с другой стороны. Показательно успешное прохождение на прочность системы Российской империи в эпоху наполеоновских войн.

Символическим актом, ознаменовавшим собой «выход» России из войны, стало повсеместное проведение в мае – июне 1814 г. праздничных мероприятий по поводу взятия Парижа. С широким размахом они прошли в провинции. Официальные торжества, проходившие в провинции, обладали своей спецификой. Они собирали в административные центры наиболее яркие образцы локальной, в т. ч. этнической культуры. Так, в Уржуме празднества сопровождались русскими, удмуртскими, марийскими, татарскими песнями, танцами и забавами и носили всесословный, всенародный характер. В провинции «выход» России из войны был ознаменован причудливым и в то же время органичным сочетанием официальных торжественных мероприятий и всенародных гуляний.

Роль провинциального города как связующего звена между центром и провинцией заслуживает особого рассмотрения. Он формирует «сеть, воронку, ловушку социо-

культурных коммуникаций, своеобразный циклон, втягивающий в себя региональные ресурсы, актуализирующий резервы до состояния ресурсов, инициирующий новые ресурсы как естественные, так и искусственные»¹⁰. Роль провинциального города как центра, в котором аккумулируются потоки и импульсы самых разных направлений, сглаживаются противоречия между ними или сталкиваются взаимоисключающие явления, рельефно проявилась в Вятской губернии в эпоху наполеоновских войн.

В процессе «выхода» из войны в России была предпринята попытка решения такой проблемы, как оказание материальной помощи солдатам, получившим тяжелыеувечья. 18 августа 1814 г. был создан Комитет пожертвований под председательством коллежского советника Пезаровиуса. Однако размер средств, выделяемых Комитетом вятским инвалидам, был не только ничтожно мал, но и многократно меньшим по сравнению с количеством собранных в Вятской губернии средств. В 1816 г. в Комитет пожертвований из Вятской губернии было отправлено не менее 4940 рублей. В то же время вятским инвалидам Комитет выделил всего 260 рублей¹¹. Большая часть средств, собранных вятчанами, шла на содержание русских инвалидов, проживающих в других регионах Российской империи. При этом в силу ограниченности средств, собранных Комитетом, большая часть инвалидов вообще не получила денег. Проблема их материального обеспечения оказалась нерешенной. Главной причиной этого стало отсутствие четкой государственной политики социальной защиты нуждающихся ветеранов.

Таким образом, нельзя не заметить, что провинция рассматривалась в Петербурге в первую очередь как почти неиссякаемый источник резервов. Однако их эксплуатация не вышла за пределы необходимости. Их разумное использование позволило победенно завершить серию труднейших войн, не истощив людские и материальные ресурсы.

Анализ широкого спектра событий, явлений и процессов, происходящих в эпоху наполеоновских войн в российской провинции, и в частности в такой глубинной провинции как Вятская губерния, позволяет рассматривать проблему соотношения провинции и центра не в ракурсе их противопоставления, а с учетом тех функций, которые они выполняют в рамках единой системы. Актуальной представляется мысль, высказанная по этому поводу М. Каганом, рассматривающим соотношение провинциального и столичного как «два противоположно направленных «механизма» – мобилизующий и стабилизирующий, т. е. обеспечивающий, с одной стороны, развитие системы в соответствии с изменениями среды и ростом ее собственных потребностей обновления, а с другой – освоение, сохранение и упрочение обретенного»¹².

Действие «мобилизующе-стабилизирующего механизма» в России четко просматривается в эпоху наполеоновских войн и в последующие десятилетия. Так, в целом реформаторское правление Александра I с 1812 г. имело выраженную консервативную окраску. Мобилизация глубинных ресурсов системы не могла не оживить те пласти традиционного, которые были затронуты. Оригинальное сочетание в эпоху 1812 г. либерализма и консерватизма, инновации и традиционализма, провинциального и столичного, регионального, общероссийского, европейского и мирового породило столь же многообразные явления – декабризм и охранительный консерватизм, слар-

вянофильство и западничество, расцвет русской культуры.

Таким образом, на основании проанализированного материала можно сделать следующие выводы.

1. Провинция (в частности Вятская губерния) в системе Российской империи начала XIX в. являлась ее важнейшим компонентом. В ней были заложены основания и ресурсы, которые оказались востребованы в экстремальных условиях эпохи наполеоновских войн. «Вхождение» провинции в эту эпоху произошло во время формирования земского войска 1807 г., затронувшего все сферы жизни тех губерний, в которых оно создавалось.

2. Провинция (в т. ч. Вятская губерния) при грамотной организаторской роли центра сыграла решающую роль в победоносном завершении Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813–1814 гг., обеспечив необходимые людские и материальные ресурсы

3. На «выходе» из войны провинция (в частности, Вятская губерния) продемонстрировала возможности преодоления ее негативных социально-экономических последствий и яркие образцы локальной культуры. Взаимоотношения центра и провинции в этот период носили сложный системный характер. В них проявлялись реформаторские, консервативные и мобилизующие импульсы из центра, традиционализм, а также стабилизирующие и мобилизационные возможности провинции, мировые модернизационные процессы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Севастьянова А. А. Ритмы самосознания в истории российской провинции // Методология региональных исторических исследований. СПб.: Нотабене, 2000. С. 26–27.

² Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 139.

³ Эммаусский А. В. История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров: Кировская областная типография, 1996. С. 150–151.

⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 47. Д. 4. Л. 310–118.

⁵ ГАКО. Ф. 582. Оп. 7. Д. 101. Л. 324.

⁶ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1912 год. Вятка, 1911. С. 28–33.

⁷ РГВИА. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Т. 1. Д. 3894. Л. 6.

⁸ Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1912. Вып. 3, отдел 2. С. 34.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

⁹ ГАРФ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 176. Л. 2–3.

¹⁰ Гомаюнов С. А. Проблемы методологии местной истории. Киров: ВГПУ, 1996. С. 39.

¹¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 46. Д. 128. Л. 33–35.

¹² Каган М. Москва – Петербург – Провинция: Двустоличность России – ее историческая судьба и уникальный шанс // Российская провинция. 1993. № 1. С. 16.